

## **КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ Л. УЛИЦКОЙ**

**В исследовании анализируется концепция человека в романах Л. Улицкой: «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер», «Лестница Якова». Выбор романов обусловлен не только значимостью их восприятия в литературной критике, но также тем фактом, что они позволяют с особым вниманием отнестись к проблеме человека в силу их хронотопа и мировоззренческой активности.**

**Исследуются основные доминанты, образующие идейно-художественную концепцию личности в романах Л. Улицкой. Во-первых, это отрицание «догматического человека»: в каждом тексте очевидна системная критика сознания, прочно запертого в своей нетерпимости и желании осуждать иные пути развития внутреннего мира. Во-вторых, это апология универсального человека, ярким примером которого является Даниэль Штайн, обращенный к людям и стремящийся насыщать окружающий мир действительной пользой. В-третьих, это допустимая амбивалентность, описывая которую Л. Улицкая подчеркивает относительность слова, иллюзорность догмата и особую миссию дела. В-четвертых, это введение понятия «новый христианин», показывающего, что жизнь сложнее и значительнее любого догматического учения. В-пятых, это культуроцентризм, обусловленный тем, что центр романов образуют персонажи с солидным культурным опытом и интеллигентским багажом. И, наконец, в-шестых, это персонализм, связанный с особым вниманием к гендерным аспектам становления человека.**

**Основные выявленные тенденции концепции человека в романах Л. Улицкой говорят о том, что человеку следует искать свой путь в мире, развивая себя в согласии с тем мировым опытом, который всецело соединяет личность с демократическим вектором развития.**

**Ключевые слова: догматический человек, универсальный человек, амбивалентность, культуроцентризм, персонализм.**

В романах Л. Улицкой, практически всегда востребованных и массовым, и интеллектуальным читателем, судьба человека в границах кризисного времени XX столетия, является одной из доминирующих проблем. Многие современные писатели (например, М. Елизаров, В. Сорокин, А. Проханов, В. Пелевин) присутствие человека в сюжете сводят к преобладающей роли тех или иных концептов. Они используют модель личности, набор определенных мотивов мысли, речи и поступков, но в своей художественной рациональности посылают читателю четко усваиваемый сигнал: здесь не реализм! Мы далеки от утверждения, что Л. Улицкая остается в границах классического реалистического искусства. Скорее, ее творчество следует рассматривать в контексте «большого модерна», в котором задачи индивидуального проекта находятся на доминирующих позициях. Концепцию человека Л. Улицкой рассмотрим на материале трех романов: «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер», «Лестница Якова».

Аргументы, позволяющие нам остановиться на указанных произведениях известной писательницы, следующие.

1) Романы «Даниэль Штайн, переводчик» и «Зеленый шатер» в литературоведении и лите-

ратурной критике стали значимыми объектами рецепции, как мировоззренчески активные и дидактически объемные тексты; роман «Лестница Якова» – последний на данный момент роман Л. Улицкой.

2) Хронотоп избранных нами произведений располагает к оценке человека в романах Л. Улицкой, в его эпической полноте, сквозь масштабность изображенных событий.

3) Три романа, которые будут рассмотрены в статье, позволяют с особым вниманием отнестись к проблеме человека, существующего в конкретном историческом времени, никогда не покидающего творчества Л. Улицкой.

Отрицание «догматического человека» – первое интеллектуально-художественное движение, которое мы отмечаем в романном мире Л. Улицкой. В каждом из вышеназванных текстов совершенно очевидна системная критика сознания, которое пребывает в том или ином предельно герметичном, свободном от самокритики состоянии. Следовательно, коммунизм или православие (в его догматическом и церковно-каноническом) проявлении, фашизм и житейская нетерпимость для героев неприемлемы. «Догматический человек» – постоянный объект полемики в текстах изучаемого нами

автора. Он отрицается сюжетом произведения и многочисленными, часто повторяющимися речами, решающими задачу прояснения неверных путей «догматиков», прочно запертых в своей нетерпимости и желании осуждать иные пути развития внутреннего мира и социально-государственного устройства. Читатель, входящий в мир Л. Улицкой, должен быть готов к тому, что обличение «догматического человека» может сближать такие разные системы, как коммунизм и православное христианство. Основой сближения оказывается четкая вера в одну состоявшуюся правду. Она, по мнению автора, может рождать, и страстную проповедь обретенного пути, и лицемерия, позволяющего человеку с низким качеством внутреннего мира идти к поставленной цели обретения жизненного успеха. Часто этот успех предусматривает обязательное поражение тех, кто не желает иметь к лицемерию никакого отношения.

В романе «Даниэль Штайн, переводчик» «правильному» христианину Даниэлю противостоит слившийся с агрессивной церковностью священник Ефим Донатас. Он не просто отрицает духовно-практический поиск Даниэля, считает его еретиком, но и запрещает своей жене переписку с нестандартным католиком, который не видит необходимости в богословии Троицы. О. Ефим способен на донос. И, стоит заметить, что Л. Улицкая (когда пишет о своих явных противниках) приближается к поэтике гротеска ради усиления впечатления от ошибочных шагов оппонентов или, так будет точнее, врагов. Ефим Донатас считает своего сына-дауна Мессией. При этом не склонен замечать, что впадает в более тяжелые формы искушений, чем Штайн.

Второе значимое движение в рамках проблемы концепции личности – апология универсального человека. Даниэль Штайн – самый яркий пример универсального человека. При этом в символическом плане он один. Да, есть небольшая община, есть верная ученица и соратница Хильда, есть благодарные друзья по переписке, но Штайн не раскрыт как внутренний герой. Ясно, что у него есть четкое несогласие с каждой из систем – с иудаизмом, с католицизмом, со всем христианством, наконец, на богослужении он не читает Символ веры, считая, что троичность Божества – придуманная

греками идея. Л. Улицкая хочет показать не теоретического, а живого, практического человека, обращенного к людям и озабоченного политической «малых дел», дающих результат в области понятного, с вершин идеологий незаметного добра. Чтобы делать эти дела, насыщать окружающий мир действительной пользой, Штайн готов сотрудничать и с фашистами, и с коммунистами, и с иудеями, и с христианами всех конфессий, и с мусульманами. В этом плане Израиль показан не как закрытое государство оборонительного типа, а как земля, на которой возможно восхождение к изначальному Иисусу – настоящему иудею, создавшему универсальное учение об отношении человека к человеку.

Много «универсальных людей» (всегда с непростой судьбой) в романе «Зеленый шатер». Например, Миха (один из трех главных персонажей – друзей, чаще других попадающих в романский «кадр»), в поисках действительной, а не мнимой пользы ставший дефектологом: «По природе своей наполовину состоял из жажды знаний, научного и ненаучного любопытства и восторга, а на вторую половину из неопределенного творческого горения» [9, с. 20]. «Настоящий его талант, полученный им от рождения, невооруженным глазом был не виден. Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безразмерной, совершенно эластичной способностью к состраданию, что все прочие его качества оказывались в подчинении этой «всемирной жалости», – сказано повествователем о герое, которому не удастся в своей ранимости сохранить жизнь [9, с. 418].

Разумеется, неслучайно в названии романа о Даниэле Штайне присутствует характеристика «переводчик». Речь не только о способностях полиглота. Еще важнее стремление главного героя быть посредником, «толмачом» в соединении тех истин и частных правд, которые соединяются плохо.

«Инструмент примирения – язык. Владея самыми разными языками, Даниэль всю жизнь трудится над «наведением мостов» между всеми и всеми, помогает всем понять всех. ... По версии Людмилы Улицкой, он – переводчик (смотри заглавие книги), просто переводчик. С вечного на обыденный. С языка Бога на язык человека. Но и праведник. Для него ортопраксия (правильные поступки) важнее ортодоксии

(правильных мыслей). И паству свою он учит не столько соблюдать церковные законы, сколько поступать по совести, по любви, «так, как хочешь, чтобы с тобой поступали» (этому и Христос учил)», – пишет о важнейших составляющих элементах концепции личности Л. Улицкой С. Шишкова-Шипунова [11].

Третий важнейший концепт авторского понимания сущности человека – допустимая амбивалентность. «В начале моей службы в полиции я принимал присягу – давал клятву верности «фюреру». Позже, как русский партизан, я давал клятву верности Сталину. Но эти клятвы не были истинными, они были вынужденными. Этой ценой я спасал уже не только свою жизнь, но и других людей», – спокойно рассказывает Штайн [8, с. 220]. Автор подчеркивает относительность слова, иллюзорность догмата и особую миссию дела. Штайн, например, ценою службы у гитлеровцев, спас обреченных соплеменников из Эмского гетто. Разумная и необходимая амбивалентность часто выстраивается Л. Улицкой на самых видимых и отчетливых уровнях повествования. Штайн всегда остается на дистанции от идеологии, к которой в данный момент причастен, не сливается с ней. Как еврей – Штайн оказывается в гестапо, на одной из заметных позиций, как христианин – живет в Израиле, в опасном для сторонников Иисуса пространстве, как католик – в конфронтации к догматическому богословию. Его сторонница Хильда стала верным помощником священника, оказалась внутри христианства, что не мешало ей многие годы длить связь с женатым арабом-христианином. Священник Даниэль относился к этой ситуации с пониманием.

В критике и литературоведении есть две позиции на особую роль Даниэля Штайна. «Она создала образ положительно прекрасного человека, столь взыскуемый русской литературой. Задача невероятной сложности. Причем человека высокой социальной активности, что еще больше усложняет задачу», – пишет М. Горелик [1]. Сложнее отношение у И. Роднянской: «Мне кажется, создать образ «положительно прекрасного человека», который светится со страниц книги, – достижение именно художественного порядка. И достижение – очевидное, несмотря на отчасти обесценивающий его «беллетристический» мелодраматизм (дело праведника

математически симметрично, с двух сторон, губят православный фанатик и фанатик-иудей)... Удача художника Улицкой в том, что она сумела передать это обаяние испытываемой праведности. Беда «проповедника» Улицкой в том, что ее речи ниже заданного ею же уровня человеческой высоты» [6].

Четвертый мотив, формирующий авторскую концепцию личности, непосредственно связан с понятием «новый христианин». Снова обратимся к образу Хильды из романа «Даниэль Штайн, переводчик». Приведем характерные для героини суждения, проясняющие формы серьезного отличия «даниэлевской религии» от канонического христианства. «Встретив Даниэля, я перестала быть несчастной, потому что он распространял вокруг себя радость» [8, с. 160]. «Каждый человек должен искать свой собственный путь к Богу» [8, с. 230]. «Кроме Библии и Нового Завета есть еще одна книга, которую тоже надо уметь читать – это книга жизни каждого отдельного человека, которая состоит из вопросов и ответов» [8, с. 301]. «И все эти легенды о непорочном зачатии родились в порочном сознании, которое видит в брачном союзе мужчины и женщины грех» [8, с. 307]. «Это и есть христианский выбор – все время находиться в решающем моменте, в самой сердцевине жизни, испытывать боль и радость одновременно», – произносит Хильда после смерти своего многолетнего любовника Мусы [8, с. 438].

Главная мысль Л. Улицкой ясна: жизнь сложнее и значительнее любого догматического учения. Речевая форма, избранная для этого сообщения, смотрится достаточно провокационно. «Непроходимую пропасть между иудаизмом и христианством Даниэль закрыл своим телом...», – читаем в романе ближе к его финалу [8, с. 542]. Но насколько это христианство согласно с представлением христиан об Иисусе и спасении?

Пятый признак, отличающий слово о человеке в романах Л. Улицкой, – культуроцентризм. В каждом из романов Л. Улицкой есть образы простых людей, вызывающих симпатию или антипатию автора в зависимости от своих нравственных интенций. Но романский центр образуют персонажи с солидным культурным опытом и интеллигентским багажом. Например, учитель Шенгели в «Зеленом шатре»: «Чего в

Викторе Юльевиче категорически не было – гордого чувства принадлежности к какому-нибудь народу, он ощущал себя одновременно изгоем и белой костью, а жидоедские эти времена были отвратительны ему более всего эстетически: некрасивые люди, одетые в некрасивую одежду, некрасиво себя вели. Жизнь за пределами книжного пространства была какая-то оскорбительная, зато в книгах билась живая мысль, и чувство, и знание. Разрыв был непереносим, и все более он погружался в литературу. Только дети, которых он учил, примиряли его с тошнотворной действительностью» [9, с. 52]. Здесь многое сливается воедино: книжность и стремление к высокой организации сознания, определенный снобизм и миссия учителя. Учителя вместо отцов – эта один из ключевых мотивов сюжетной структуры романа «Зеленый шатер». Необходимо второе рождение. На него по-настоящему в мире Л. Улицкой способны только те представители элиты (часто без всякого позитивного социального статуса), которые покинули мир «простых» и «послушных», чтобы в своем интеллигентском эгоцентризме познать силу неслиянности с любым коллективом. Это не столько политическое, сколько тщательно продуманное культурное диссидентство. «И как ему удавалось нести свое музыкальное монашество в миру, пошлом и грязном, в толчее тошнотворной и опасной советчины? Невероятно, невероятно...», – сказано о Сане, одном из трех главных героев «Зеленого шатра» [9, с. 233]. Литература, культура в целом не дают человеку счастья, и часто становятся причиной мученичества в профессиональной и бытовой жизни. Так случилось, например, с Михой: «Высокая чувствительность к художественной литературе привела Миху к тому печальному положению, в котором он оказался поздней осенью шестьдесят шестого года, без аспирантуры и без работы» [9, с. 445]. «Дворянин Саня Стеклов, несостоявшийся музыкант, продолжающий жить в мире звуков, и плебеи Илья и Миха недаром сходятся, оставаясь друзьями на всю жизнь: все они восприимчивы к культуре, и это, пожалуй, врожденное. Поэтому для всех троих оказываются чрезвычайно важными культурные наставники: одаренный учитель литературы и, в особенности, бабушка Сани, Анна Александровна», – справедливо

указывает на характерологические доминанты Л. Улицкой А. Латынина [3].

Интеллигентское пространство выстроено и в романе «Лестница Якова». Особенно это касается Норы – внучки Якова и Маруси. Она – художник-постановщик в театре, ведет свободный образ жизни, сходитесь и расходится с женщиной, рождает от нелюбимого, часто встречаясь с любимым и женатым Тенгизом – таким же парадоксальным сторонником культуры и творчества, как и она сама. Герои (прежде всего, Нора) обсуждают книги, спектакли, драматургические тексты, отстраняясь от советской массы, просто не замечая социалистической идеологии.

Еще один знак в концепции личности, выстраиваемой Л. Улицкой, – персонализм. Для того чтобы личность проявилась в полной мере, герою необходимо соответствовать нескольким критериям: не слиться с официозом в его разнообразных формах; познавать культуру не как схоластический, а как живой, имеющий отношение к твоей душе объект; помнить о ценности мысли, о ее принципиальной неслиянности с победившими идеологиями, религиями, общественными платформами; желать расти и развиваться, даже в бытовых контекстах сохраняя гибкость и самостоятельность сознания.

В таком мире не может быть общего спасителя. Л. Улицкая может сочувственно и даже пафосно говорить об Иисусе, но она всегда готова дать понять, что христианство лишь один из путей обретения правды. Ее привлекают люди «со своими философиями и религиями» [9, с. 187]. Она всегда готова к проекции архетипов на жизнь героев, желающих расти, соотнести себя с этическими доминантами: «Как хорошо, что тридцати четырех еще не исполнилось. Ведь именно в тридцать три Иисус совершил поступок, подтвердивший его абсолютную взрослость: он добровольно отдал свою жизнь за идею, которая вообще-то не вызывала у Михи большого сочувствия, – за чужие грехи. Распоряжаться собой – это и значит быть взрослым» [9, с. 541]. Нора из «Лестницы Якова» может быть воспринята как реализация ибсеновского комплекса. Налицо способность к самостоятельности, стремление к творчеству жизни, полемика с социально-государственными законами и общепринятыми нормами. Она никогда не согласится быть «третьесортным статистом» [9,



с. 254], ее жизнь – мимосоветская» [9, с. 326]. Такой человек и в собственной семье следит за дистанцией – от отца, матери, бабушки, деда. Нора согласна со своим спутником Тенгизом, который рассуждает о «Короле Лире»: «Речь шла о «голом двуногом». Как сказал Тенгиз – полжизни собираешь, а потом начинаешь раздавать. Это не только про Лира. Про каждого. Совершить обратное движение, закончить цикл: родиться, приобрести множество качеств, власть, собственность, славу, знания, привычки. Личность обрести, а потом все с себя скинуть. И саму личность. Дойти до полного, изначального обнажения, до состояния новорожденности, первоначальности» [10, с. 205].

Считать эту традицию постоянного обновления ради полноценной жизни «это» вряд ли можно считать доминирующей русской традицией. Следовательно, со следующим высказыванием Г. Ребель согласиться трудно: «Даниэль, каким его написала Улицкая, неотразимо трогателен, притягателен и при этом естествен, убедителен. В этом образе сгущается, материализуется и обнажается то идеальное начало, которое составляет одну из стержневых основ европейской культуры и русской литературы в частности» [7].

Последний из ключевых моментов, определяющих концепцию личности в романах Л. Улицкой, связан с особым вниманием к гендерным аспектам становления человека. Тенгиз – один из лучших вариантов движения мужчины в рассматриваемых нами текстах: возвращения, исчезновения, чувство и дистанция, совместность и отсутствие поглощения друг друга. Нора – воплощенная женская свобода при сохранении ума и планирования: нет никакой озабоченности девственностью и ее утратой, верностью, женской чистотой. Главное – чистота сознания, избежавшего лицемерия и вульгарной корысти. Нора спокойно признает, что

после рождения сына «оказалась в пожизненном рабстве» [10, с. 148]. При этом делает все возможное, чтобы Юрий не погиб на трудных дорогах жизни. «Уже после рождения Юрика Нора поняла, что вся женская линия, к которой она принадлежит, страдает каким-то общим дефектом, своего рода заболеванием: дочери не любят матерей, протестуют против образца поведения, предлагаемого матерью», – весьма значимое признание героини [10, с. 194].

Гендерный вектор дает Л. Улицкой новых читателей, но часто обеспечивает и новых оппонентов. Например, С. Казначеева, который, рассматривая «Лестницу Якова», буквально обвиняет писательницу в низкопробном феминизме: «Семейная хроника Улицкой отличается ещё и тем, что почти все женские образы представлены в ней как стоические легендарные личности, а мужчины (Витася и проч.) – как слабохарактерные интеллигенты, хлюпики, латентные дамы» [2].

Завершая размышления о доминантах, образующих идейно-художественную концепцию личности в романах Л. Улицкой, укажем на основные выявленные тенденции.

1) Человек должен искать «свой путь», проверяя разнообразные предложения, исходящие от мира, и однозначно отвергая те, которые связаны с внутренней и внешней «тоталитарностью».

2) Человеку надлежит пребывать в пространстве культуры, развивать себя в согласии с тем мировым опытом, который всецело соединяет личность с демократическим вектором развития.

3) Человеку стоит готовить себя к драматическим конфликтам национального и всемирного, государственного и личного, бытового и философского, чтобы максимально реализовать заложенное в личности стремление к самостоятельности и ответственности.

20.05.2017

#### Список литературы:

1. Горелик, М. Прощание с ортодоксией [Электронный ресурс] / М. Горелик // Новый Мир. – 2007. – №5. – Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2007/5/go14.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/go14.html). – 20.08.2016.
2. Казначеев, С. Казус Улицкой, или Гинекологическое древо [Электронный ресурс] / С. Казначеев // Литературная газета. – 2015. – №51–52. – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-51-52-6537-24-12-2015/kazus-ulitskoy-ili-ginekologicheskoe-drevo/>. – 20.08.2016.
3. Латынина, А. «Всех советская власть убила...». «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой [Электронный ресурс] / А. Латынина // Новый Мир. – 2011. – №6. – Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2011/6/la11.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/6/la11.html). – 20.08.2016.
4. Малецкий, Ю. Роман Улицкой как зеркало русской интеллигенции [Электронный ресурс] / Ю. Малецкий // Новый Мир. –

2007. – №5. – Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2007/5/ma15.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/ma15.html). – 20.08.2016.
5. Муратханов, В. Диктанты памяти [Электронный ресурс] / В. Муратханов // Октябрь. – 2008. – №2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2008/2/mu16-pr.html>. – 20.08.2016.
6. Роднянская, И. П.С. В сухом остатке [Электронный ресурс] / И. Роднянская // Новый Мир. – 2007. – №5. – Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2007/5/ro16.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/ro16.html). – 20.08.2016.
7. Ребель, Г. Черты романа XXI века в произведениях А. Иванова и Л. Улицкой / Г. Ребель // Нева. – 2008. – № 4.
8. Улицкая, Л. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Улицкая. – М., 2015.
9. Улицкая, Л. Зеленый шатер / Л. Улицкая. – М., 2011.
10. Улицкая, Л. Лестница Якова / Л. Улицкая. – М., 2015.
11. Шишкова-Шипунова, С. Код Даниэля Штайна, или Добрый человек из Хайфы [Электронный ресурс] / С. Шишкова-Шипунова // Знамя. – 2007. – №9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/9/sh13.html>. – 20.08.2016.

**Сведения об авторах:**

**Безрукавая Марина Васильевна**, доцент кафедры иностранных языков

Кубанского социально-экономического института, кандидат филологических наук, доцент  
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, д. 3, тел.: (861) 2345015, e-mail: sea\_pearl\_@mail.ru

**Баскова Юлия Сергеевна**, доцент кафедры иностранных языков

Кубанского социально-экономического института, кандидат филологических наук, доцент  
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, д. 3, тел.: (861) 2345015, e-mail: lecca@mail.ru